

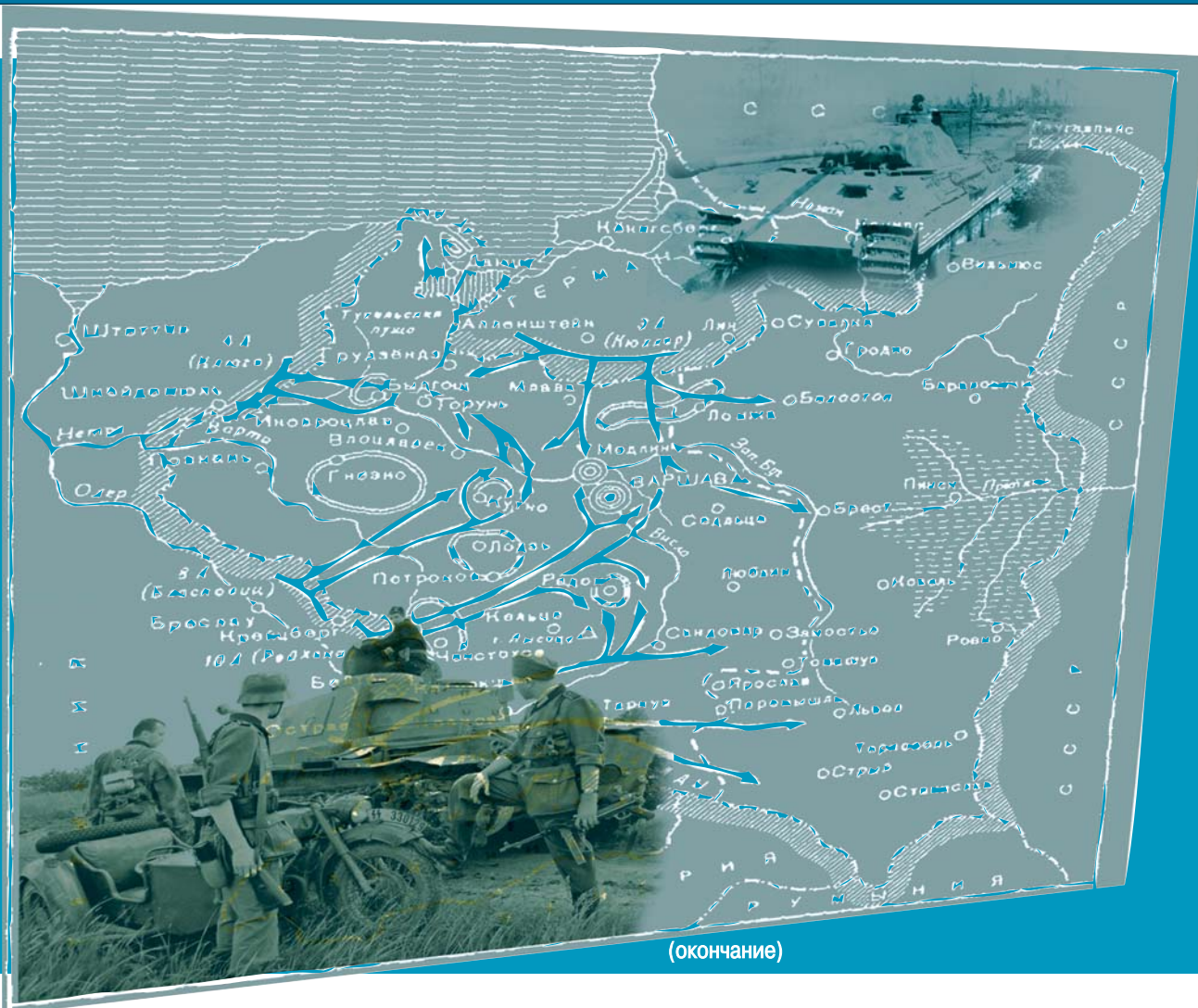
проза

Анатолий ШАЛАГИН

МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ

художественно-документальная повесть

коллаж Л. Овчинникова



(окончание)

Скоростной теплоход «Нормандия», издав протяжный гудок, отошел от Нью-йоркской пристани строго по расписанию. На верхней палубе этого французского морского лайнера, который совсем скоро после падения Франции перейдет в руки нацистов, молча стояла пара.

«Нормандия» прошла мимо Статуи Свободы, на осно-

вании которой были начертаны слова:
 «Дай мне твоих уставших бедняков,
 Их, жаждущих дышать свободно,
 Весь этот жалкий сброд на людных берегах твоих.
 Шли мне их толпы по стихии водной,
 Я поднимаю факел свой у врат золотых!»*

Юнг крепче прижал к себе свою жену. Хелен плакала. Он понимал ее чувства. Она покидала свою родину и не

* Стихотворение американской поэтессы Эммы Лазарус, перевод И. Гульянца

знала, увидит ли ее еще когда-нибудь. Не легче было на душе и у самого Ахмерова. Хотя он возвращался домой, неизвестно, что там их ждало. Он не говорил Хелен о своих тревогах, но волнение мужа передавалось и ей.

Получив ту злосчастную шифровку из Центра, в которой ему предписывалось свернуть работу нелегальной резидентуры и выехать в Москву, Юнг был растерян. Почему сворачивалась работа, ведь так хорошо, вроде бы, все шло? Сигнала тревоги от коллег не поступало. Может быть, кто-то из источников «засветился»? Но тогда Центр бы проинформировал. А тут без объяснения причин «выехать в полном составе в Москву».

Ахмеров понимал, что сейчас в СССР ситуация не самая спокойная. Американская пресса «трубила» о политических репрессиях в стране Советов. Больше всего его потрясло известие о суде над тремя маршалами – Тухачевским, Егоровым и Блюхером. Может быть, и его вызов как-то связан с этим?

«Лена! - вдруг он споткнулся в своих размышлениях. - Что делать с ней? Оставить здесь, а вдруг мы больше не увидимся?! Везти ее в СССР? Но она гражданка США...»

Хелен видела, что Юнг встревожен.

- Что-то случилось? - спросила она.

- Да нет, все о'кей, - ответил он.

- Скажи, я же вижу, что-то стряслось.

После затянувшейся паузы Ахмеров выдал из себя:

- Меня отзывают в Москву.

Хелен сразу все поняла. Она вдруг отчетливо почувствовала, что на их с Биллом счастье накатывается что-то страшное. Страхное своей неизвестностью и непреодолимостью. Она не зарыдала, а, опустив глаза, тихо спросила:

- Когда едешь?

- Наверное, недели через три-четыре, - также тихо сказал он, - нужно все здесь закончить.

Юнг подошел к девушке, тихо сидевшей в кресле, и положил руки на ее плечи. И тут она не выдержала. Хелен не рыдала так, как обычно в голос рыдают женщины, прощаясь с любимыми. Из ее глаз катились крупные слезинки и тихо падали на руки, которые теребили складку на платье. О как любил он эти глаза и эти руки!

- Не плачь, Леночка, я что-нибудь придумаю...

В старинном замке вольного города Данцига, сидя в кресле возле камина, дремал седовласый пожилой человек. После вчерашнего банкета, который закончился под утро, теперь его тянуло в сон. И хотя часы на городской ратуше пробили полдень, глаза спалились, как это бывает поздним вечером.

Сквозь дрему он услышал резкий телефонный звонок.

«Какого черта! - подумал он. - Не дают покоя!

Провалитесь вы к дьяволу...»

Телефон не умолкал. Мужчина, проклиная все на свете, поднялся со своего места и подошел к телефонному аппарату.

- Буркхардт у аппарата, - прохрипел он в трубку.

- Господин Буркхардт, это Форстер. Рейхсканцлер желает видеть вас завтра в полдень у себя в резиденции...

Дрема мгновенно слетела с Буркхардта. Звонил Отто Форстер – лидер местных нацистов и легальный сотрудник Абвера. Буркхардт и сам симпатизировал фашистам, но его пост верховного комиссара Лиги Наций не давал свободы для проявления своих политических взглядов.

- Но это невозможно! Мое положение... И к тому же как я могу попасть к Гитлеру за такой короткий срок? - растерянно произнес верховный комиссар.

- Не беспокойтесь. Фюрер направляет за вами свой личный самолет. Сегодня в полночь мы оцепим аэропорт, и никто не узнает о вашем визите...

Положив трубку, Буркхардт задумался: «К чему бы это? Наверное, Гитлер что-то замышляет. Но все же приятно, что такой человек приглашает меня к себе, да еще и самолет свой дает».

Он позвонил в Лондон и сообщил лорду Галифаксу о предстоящей встрече с Гитлером. На что последний возбужденно сказал верховному комиссару: «Вы там разузнайте у него, что он планирует предпринять в ближайшее время. Намекните ему, что правительство Ее Величества готово заключить с Германией договор о ненападении...»

В назначенное время самолет доставил Буркхардта в Оберзальцберг. На взлетной полосе его уже ждала машина, которая доставила верховного комиссара в резиденцию Гитлера «Бергхоф», расположенную высоко в горах.

Гитлер, особо не церемонясь, сразу заявил Буркхардту:

- Польша прибегает к угрозам в отношении Данцига. Польские газеты заявляют, что именно таким языком нужно разговаривать со мной. Если еще хоть раз возникнет подобный инцидент, то я разгромлю поляков так, что от них не останется и следа.

- Да, но, господин канцлер, это же будет означать всеобщую войну... - пытался вставить слово Буркхардт.

- Плевать! Если мне суждено вести войну, то я предпочитаю вести ее сегодня, когда мне пятьдесят, а не тогда, когда мне будет шестьдесят. В сущности, о чем идет речь? Германии нужны зерно и лес. И все! Я ничего не просил у Запада и просить не буду. Мне нужна свобода на востоке. Все, что я предпринимаю, направлено против России. Мне нужна Украина, чтобы нас не могли морить голодом, как в прошлой войне.

- Но правительство Англии...

- Я хочу жить в мире с Англией. Передайте Чемберлену, что я готов гарантировать английские владения во всем мире и заключить с ней пакт об окончательном урегулировании.

- Но кроме Германии Англии угрожает Япония...

- Я же сказал, что я гарантирую: английским колониям ничего угрожать не будет! - раздраженно заключил Гитлер.

О Франции в этом разговоре даже и не вспомнили.

А в это же время в Москву прибыли военные миссии Англии и Франции для обсуждения мер по обеспечению коллективной безопасности против германского агрессора. Делегации исключительно долго добирались до советской столицы*, по дороге не столько решая военно-дипломатические вопросы, сколько... играя в пинг-понг. Чемберлен, отправляя делегации в Москву, вручил им директиву, в которой говорилось: «...представляется нежелательным брать на себя какое-либо определенное обязательство, могущее связать нам руки при любых обстоятельствах. Поэтому следует стремиться к тому, чтобы ограничиваться... возможно более общими формулировками»**.

Миссия, как этого и следовало ожидать, провалилась. Английские и французские переговорщики попросту тянули время, отметая все конструктивные предложения СССР. И наконец 21 августа переговоры, которые с советской стороны вел нарком К.Е. Ворошилов, а с английской и французской стороны - второстепенные фигуры - английский адмирал Дракс и французский генерал Думенк, зашли в тупик.

Английский посол в Москве Сидс в тот же день отправил в Лондон шифрограмму следующего содержания: «Переговоры возбудили у России сомнения в нашей искренности и в желании заключить конкретное и определенное соглашение».

Поезд мчался по заснеженным просторам. Мимо окон мелькали полустанки и переезды. До столицы оставалось еще около 12 часов.

- Какая большая и красивая страна, - восхищалась Хелен, глядя в окно.

- Ты еще не все видела. Советский Союз гораздо больше того, что ты видела за эти дни. Когда-нибудь мы поедем с тобой на Дальний Восток, и тогда ты по-настоящему узнаешь, какая наша страна большая и красивая.

Хелен с благодарностью посмотрела на Юнга. Он прижал ее к себе и, глядя на мелькающие за окном перелески, подумал: «Скорей бы уже Москва. Так надоела эта неопределенность».

Домой они добирались окольными путями. В Европе уже началась война, поэтому первоначальный маршрут пришлось менять. Они с двумя пересадками доехали до Леона, где погрузились на турецкий теплоход, направлявшийся в Стамбул. В этом городе Юнгу уже приходилось бывать. Остановившись в гостинице «Континенталь», молодожены на следующий день отправились в китайское посольство. По документам они продолжали быть американскими гражданами. Поездка американцев в СССР могла вызвать интерес госдепартамента, а его внимание Юнгу привлекать не хотелось. Поэтому он принял решение

«ехать транзитом через СССР в Китай». В те годы этот маршрут в Поднебесную был самым безопасным.

Проблем с транзитными визами СССР и въездными визами в Китай не возникло, поэтому они уже через две недели отплыли из стамбульского порта в направлении Одессы.

И вот они спустились по трапу на советский берег. Быстро пройдя таможенный контроль, Юнг и Хелен вышли в город.

Хелен знала, что Юнг - «русский», но никогда не слышала русской речи. Она смотрела широко открытыми глазами на новый, неизвестный ей мир, в котором ей теперь придется жить. Неизвестность была во всем. И в языке, и в культуре, и в быте...

Она с интересом разглядывала предметы и вещи, назначение которых ей было трудно понять. Увидев в гостинице на стене черный диск с проводами, Хелен спросила Юнга:

- А это что такое?

- Это радиоприемник.

Ей интересно было наблюдать за тем, как одевались русские женщины. Поэтому она нередко оглядывалась, когда мимо нее проходила очередная русская модница, и замечала, что «модница» тоже на нее смотрит. Хелен спрашивала у мужа:

- Я что, как-то не так одета?

- Да нет, все нормально, - смеялся Юнг, - женщины во всем мире одинаковые. Они любят разглядывать все необычное на других женщинах. Все просто. Ты для них иностранка, а они для тебя иностранки. Пока...

Однажды Хелен взволнованно сказала Юнгу:

- Мне кажется, за нами следят.

Ахмеров уже давно заметил долговязого парня, который «провожал» их и вчера на привоз, и сегодня на вокзал. А теперь его заметила и Хелен.

«Умница, - ласково подумал Юнг о жене, - даже здесь не потеряла свою бдительность и наблюдательность».

Ахмеров догадывался о том, кем мог быть этот «долговязый», советская контрразведка умела отслеживать перемещение иностранцев по территории страны, а они с Хелен пока и были иностранцами. А этот парень, по-видимому, был из начинающих. Ну не подойдешь же к нему и не скажешь: «Тебя засветили». Вот бы он удивился, если бы Юнг сделал это на чистом русском языке. Ахмерову невольно стало смешно.

Хелен, заметив настроение мужа, спросила:

- Ты мне не веришь? Вон тот высокий молодой человек уже второй день следует за нами...

- Все нормально, милая, это свои, - ответил Юнг, еще раз восхищаясь наблюдательностью жены.

...До отправления поезда оставалось 15 минут. Юнг и Хелен уже заняли свои места в вагоне. Вагон был повышенной комфортности. В таких обычно ездили иностранцы и диплома-

* Делегации прибыли в ленинградский порт только на шестые сутки после выезда из Ливерпуля. Вместо самолета или скоростного военного корабля военные миссии отправились в путь на тихоходном почтово-пассажирском пароходе «Сити оф Экстер».

** Министр внутренних дел США Г. Икес по этому поводу позже напишет в своем дневнике: «Англия лелеяла надежду, что ей удастся столкнуть Россию и Германию друг с другом и таким путем самой выйти сухой из воды».

ты. Ахмеров выглянул в окно: «долговязый», убедившись, что «объекты» сели в вагон, запрыгнул на трамвай и уехал.

«Вот шалопай», - подумал Ахмеров радостно.

Поцеловав жену, он шепнул ей:

- Ты посиди здесь, а мне нужно быстро позвонить в Москву.

Он быстрым шагом направился в здание вокзала. Там в почтовом отделении он набрал нужный номер и услышал голос:

- Павлов слушает.

- Добрый день, мистер Виталий, - на английском языке сказал Юнг.

Так мог шутить только один человек. После секундной паузы на том конце провода раздалось:

- Исхак?! Ну наконец-то, вы где?

- Мы в Одессе, через 10 минут поезд отправляется в Москву. Мои вернулись? - уже на русском спросил Юнг.

Ах, как он давно хотел поговорить на своем родном языке!

- Да, все уже на месте. Одни вы заблудились. Встречу вас в Киеве, пока не раскрывайся. Не опоздай на поезд, Ромео.

- До встречи, Гамлет, - хохотнул Юнг в трубку.

Поезд медленно подтягивался к киевскому вокзалу. Юнг пристально смотрел в окно, выглядывая Павлова, но его видно не было. «Наверное, не успел добраться», - подумал Ахмеров.

Но тут в дверь купе постучались. Они переглянулись с Хелен, кто бы это мог быть?

- Да-да, - на английском языке крикнул Юнг.

Дверь распахнулась. На пороге стоял Павлов собственной персоной.

- Ес, ес, - передразнил он Юнга. - Здорово, пропащий! Они обнялись.

- Ну, как вы?

- Все нормально. Познакомься, моя жена Хелен, - представил он свою спутницу.

- Здравствуйте, - на русском языке сказал Павлов, пожимая руку девушки. А потом, видимо, сообразив, что говорит что-то не то, рассмеялся и поправился: - Хелоу, Хелен.

- Хай, Виталий, - улыбаясь, ответила она.

Обращаясь к Ахмерову, Павлов по-русски сказал:

- Теперь я тебя понимаю. Красивая девушка. В такую и я бы влюбился.

Поезд, пару раз дернувшись, остановился. Павлов сорвался с места:

- Вы, ребята, здесь посидите, а я скоро вернусь.

Он покинул купе, но минут через двадцать вернулся. В руках его были свертки, коробки, кульки. А под мышкой он держал... букет роз.

Павлов принес все самое необходимое. Из Нью-Йорка они выезжали в сентябре, прихватив с собой только плащи. А сейчас на дворе декабрь. И пусть снега пока

маловато, но морозы в Москве уже начали потрескивать.

А потом они пили чай с баранками. Павлов достаточно сносно владел английским языком, поэтому говорили на нем. Говорили о всяких мелочах, но Ахмеров видел, что Виталий что-то не договаривает. А тут и сам Павлов предложил: «Пойдем покурим».

Они вышли в тамбур. Павлов, закулив, произнес:

- Я еду с вами только до Смоленска. А потом самолетом - в Москву. Вы добираетесь сами. С вокзала езжайте сразу домой. На, держи, - он протянул Ахмерову ключи, - в Центре не появляйся...

- Что случилось? - спросил Юнг.

- Пока не знаю. Нам с Фитиным Берия ввалил за тебя по полной программе. Но я думаю, дело не только в этом.

- ?

- А ты сам не видишь, что происходит?

Они помолчали. Павлов, вздохнув, сказал:

- Ну, ладно. Пойду я в свой вагон. Передавай привет Хелен, молодожен.

Обычно мягкая постель сегодня Сталину казалась жесткой. Он перевернул подушку, чтобы почувствовать прохладу, но сон все никак не шел. А тут еще за стеной охрана скрипит своими сапожищами. «Нужно Власику сказать. Фраерятся, сапоги подавай им кожаные, кирзы мало...» - раздраженно подумал он.

Поворочавшись, он откинул одеяло, сел в кровати и включил настольную лампу. Любимая трубка лежала на месте. Он раскурил ее, с удовольствием втягивая в себя аромат любимого табака «Герцеговина флор».

Потом Генсек подошел к окну и открыл форточку. Приятная ночная прохлада ударила в лицо. «Вот и лето заканчивается, - подумал он. - Слава богу, оно было спокойным...»

Подойдя к письменному столу, Сталин достал из выдвинутого ящика папку с документами. В последнее время ему все больше стало нравиться работать по ночам здесь, на кунцевской даче. Здесь не было кремлевской суеты, заседаний, встреч... Тишина помогала думать.

Он надел очки, открыл папку и достал документ. Это была аналитическая справка ГРУ и разведуправления НКВД о военном потенциале Японии. Она основывалась на данных советской разведки, причем не только в самой Японии, но и в Китае, Германии, США, Англии... Так что на ее объективность можно было рассчитывать. В справке указывалось, что только за один год Квантунская армия была увеличена с 9 до 12 дивизий, а численность ее личного состава была доведена до 350 тысяч. Прочитав это, Сталин подумал: «Пока немного». Но дальше в тексте было сказано: «...в 1937 году в Японии были спущены на воду два авианосца («Хирию» и «Сорю») водоизмещением 18800 тонн каждый. На борту авианосцев размещается по 71 самолету. На стапелях заводов находится еще два авианосца водоизмещением 29800 тонн каждый* ...»

* К концу 1941 года в составе армии Японии будет 51 армейская дивизия; 10 авианосцев; 10 линейных кораблей; 18 тяжелых крейсеров; 18 легких крейсеров; 113 эскадренных миноносцев; 63 подводные лодки; 3200 самолетов морской авиации; 1500 самолетов фронтовой авиации.

Сталин отложил папку в сторону. Трубка уже потухла. Он опять ее раскурил и начал прохаживаться по комнате. 20 метров до окна, 20 метров до стола.

Ему почему-то вспомнилось, как в 1920 году на Политбюро рассматривался вопрос об инциденте, который произошел в тогда еще Николаевске-на-Амуре. Партизанский отряд под командованием анархиста Тряпицына захватил японский гарнизон. Собственно, японцы сдали город без боя. Гарнизон был арестован. А когда позднее японская армия начала наступление, по приказу Тряпицына пленные были расстреляны*. Под этим предлогом Япония оккупировала Северный Сахалин.

«Да, много всякого было у нас с Японией, - подумал он. - Миролюбивей они за эти годы не стали. Вон недавно японский посол Того угрожал, что если мы не отдадим им в аренду рыболовные участки, то они пойдут на нас войной. Упертые они. Мало им было Хасана и Халхин-Гола. Дерутся они упрямо. На Халхин-Голе четыре месяца с ними бодались. Да, слабы мы еще. С Финляндией, маленькой Финляндией, сто дней воевали, хотя Ворошилов говорил: «управимся за неделю». Управились с грехом пополам. А немцы-то за две недели Польшу одолели. И союзнички за нее не вступились**. За сорок дней Францию скovyрнули, английские дивизии едва успели эвакуироваться. Вояки...»

Он вернулся к столу и опять погрузился в чтение.

«...по данным резидентуры «Рамзай»***, политика в отношении Советского Союза приобретает антисоветский характер, - читал Сталин. - Германский посол в Токио генерал-лейтенант Отт, опираясь на своих атташе - полковников Мацки и фон Грануа, развернул активную деятельность среди японских офицеров, ультранационалистов, чиновников, корреспондентов. Из Германии в Японию было переброшено около тысячи немецких авиационных специалистов и первоклассных летчиков. Они помогают реорганизовывать и перевооружать японский воздушный флот».

«Кто такой Рамзай? - подумал Сталин - Нужно будет у Берии спросить».

Он встал из-за стола и опять двинулся по маршруту от стола к окну и обратно.

«Заключили мы договор с Германией, - размышлял Сталин. - Может быть, войну оттянем года на три. Гитлер сейчас займется Англией, а если она вдруг рухнет, как Франция? Вот тогда-то он повернет на Восток. Дотянули, капиталисты чертovsky. Все ломались, заключать договор с нами или не заключать. А Гитлер-то свою линию гнет. Потихоньку всю Европу под себя подмял, свой пакт все расширяет и расширяет****...»

Сталин припомнил недавний разговор с наркомом ино-

странных дел В.М. Молотовым. Тот, смеясь, рассказывал, что Риббентроп недавно спросил у него: «Как отнесется господин Сталин к предложению фюрера войти в состав антикоминтерновского пакта?» Мало того, немцы предлагали (пока неофициально) в рамках пакта выделить СССР свою зону влияния, которая бы простиралась до Индийского океана. Сталин тогда, тоже посмеявшись, сказал: «Гитлер рехнулся. СССР - оплот коммунистического движения, а его тянут в антикоминтерновский союз».

А сейчас он подумал: «Что за этим стоит? Игра? Или какой-то интерес? Он хочет, чтобы мы не вмешивались в его войну с Англией. Он не дурак, на два фронта воевать не хочет. Этот авантюрист Чемберлен, наконец-то, ушел. Черчилль нас ненавидит, но он, в отличие от Чемберлена, понимает, что Гитлера можно остановить только всем вместе. Но Черчилль без ведома США ничего делать не будет. А американцы все сидят со своим нейтралитетом. Хотя какой там нейтралитет? Стоило нам начать войну с Финляндией, а потом ввести войска в Прибалтику, так эти янки тут же ввели против нас эмбарго. Неужели Рузвельт не понимает, зачем мы это делали? Пока они там жиреют за океаном, здесь в Европе идет война. И нужно быть полным идиотом, чтобы не отодвинуть границу на запад и на север. Не сделай мы этого, у Гитлера был бы идеальный плацдарм для нападения. Они бы пропороли страну насквозь...»

Он подошел к окну, на востоке уже зарождалась заря. В Кунцево начали кричать первые петухи.

«Нужно все же вздремнуть», - решил Сталин. Он опять лег, но мысли продолжали роиться: «А мы готовы воевать на два фронта? Нет, нет и нет! А если вдруг немцы и японцы ударят вместе? Верить Гитлеру нельзя. Лишь бы он быстро не опрокинул Англию. Ну, опять же, разделается он с англичанами и двинет на нас, а Япония ему поможет. Что же делать нам с японцами? Что? А вот что: Японии нужно дать другого врага, - Сталин даже соскочил с кровати от этой мысли. - А что? Американцам покоя не дают японские взгляды на Индокитай. Рано или поздно они все равно столкнутся из-за этого лакомого кусочка. Конечно, здесь нужно быть очень осторожными. С волками жить - по-волчьи выть. Почему они на нас Гитлера все эти годы натравливали, а мы должны стесняться?»

В ту ночь он так и не уснул, а утром вызвал к себе Берию.

- Разрешите, Павел Михайлович?

На пороге кабинета Фитина стоял Исхак Ахмеров.

- Да-да, Исхак, заходи.

«Вот досталось парню, - подумал Фитин, пока Юнг шел к столу. - Он из Америки вернулся - ни одного седого волоска, а теперь - уже виски седые. Да и немудрено, рисковать жизнью

* За это самоуправство и жестокость Тряпицын был осужден военным трибуналом и расстрелян.

** После нападения Германии на Польшу Англия и Франция формально объявили войну Германии. Началась т.н. «странная война». Фельдмаршал Йодель позже признавал, что если бы Англия и Франция в то время нанесли удар Германии, то вермахт был бы уничтожен. Он говорил: «Мы избежали военной катастрофы только потому, что 110 французских и английских дивизий оставались в полном бездействии против 23 германских дивизий на Западе... Наши запасы были смехотворно малы, и мы вышли из положения исключительно благодаря тому, что на Западе не велись военные действия».

*** Оперативный псевдоним Рихарда Зорге.

**** 24 февраля 1939 г. к «антикоминтерновскому пакту» присоединилась Венгрия, а 27 марта того же года - франкистская Испания.

за границей и чуть не погибнуть на родине...»

- Как Лена? - спросил он.

- Спасибо, Павел Михайлович, – улыбаясь, ответил Ахмеров. - Все хорошо, учит язык. Уже научилась ругаться на кухне в коммуналке...

- Ну и хорошо. Наши кухни многому научить могут. Павлов не вернулся?

- Пока нет, ждем его дней через пять.

- Да уж, с моря он не поторопится. (Виталий Павлов отдыхал в Гаграх).

Фитин нажал кнопку вызова, и тут же в дверях появился помощник начальника разведки.

- Сергей, принеси нам чаю, - сказал генерал.

«Видимо, разговор будет долгим, - подумал Юнг. - Неужели опять проблемы?» Он прекрасно помнил, как в первый вечер в Москве к ним с Леной в коммунальную квартиру на Патриарших прудах приехал Фитин. Тогда генерал обнял их обоих и заговорил по-русски: «Вас наградить бы надо, а мне нужно вас прятать. Завтра, Исхак, забирай жену и уезжай куда-нибудь. Формально у тебя отпуск. Месяц отсидитесь, а там, глядишь, все уляжется». На удивленный вопрос Юнга: «Да что случилось-то?» Фитин ответил, что архаровцы из контрразведки хотят предъявить ему обвинение в сотрудничестве с американской разведкой. На следующий день они с Хелен покинули Москву и уехали в Казань, погостить у родственников. А когда вернулись в Москву, Ахмерова не арестовали, но он узнал, что его понизили в должности и назначили... стажером американского отдела управления внешней разведки. Конечно, он не мог знать того, что за то время, пока его не было в столице, в Кремле Сталин спросил у Берии: «Как там поживает племянница Эрла Браудера? Дядя за нее очень переживает». На что нарком ответил, что племянница жива-здорова, а вот ее муженьком занимается контрразведка. Генсек тогда заметил: «Занимайтесь, но не трогайте. Ты понял, Лаврентий?» Берия понял все. Подоплеку этого разговора знал Фитин. По своим каналам он выяснил, что по линии Коминтерна руководитель американских коммунистов направил Сталину письмо, в котором просил оказать содействие племяннице и ее мужу, которым, как иностранцам, будет трудно жить в чужой стране. Эрл Браудер не знал, что Юнг - гражданин СССР.

- Слушай, Исхак, - сказал Фитин, когда они приступили к чаепитию, - ты Гарри Уайта хорошо изучил?

- Да, неплохо, - ответил Юнг, в очередной раз восхищаясь профессиональной памятью своего шефа. Фитин помнил не только псевдонимы своих сотрудников, но и имена источников.

- А почему вы об этом спрашиваете, Павел Михайлович?

- Давай, Исхак, вопросы задавать пока буду я, - улыбнулся Фитин. - А потом обсудим.

- Понял.

- Он имеет какое-то влияние на Моргентау?

- Он пользуется полным доверием министра финансов. Уайт часто готовит аналитические записки и проекты докладов

Моргентау. Несколько раз Уайт говорил, что к его мнению прислушивается Рузвельт.

- Хорошо. А вообще как Уайт относится к нацистам?

- Крайне негативно. Я как-то был свидетелем его разговора с одним из конгрессменов, который заявил: «Ничего необычного в поведении Гитлера нет. Люди воевали на протяжении столетий и всегда будут воевать. Меняется оружие, а не человеческая природа. В каменном веке наши прародители выбивали друг другу мозги дубинками, а затем оставшиеся в живых поедали убитых. Это упрощало проблему снабжения. То же самое делает и Гитлер».

- А Уайт?

- А Гарри сказал, что негоже гражданину великой страны, которая является оплотом демократии, оправдывать нацистов. А тот, кто это делает, сам нацист. И благодаря таким людям Гитлер и пришел к власти.

- А как он относится к Японии?

- Он любит Восток, но считает, что нынешняя политика Японии рано или поздно приведет к войне с США...

- Но в свое время Рузвельт отказался от подписания Тихоокеанского пакта*.

- Уайт считает, что это было ошибкой президента. Да и Конгресс помешал подписанию пакта, приняв «закон о нейтралитете».

- Исхак, до приезда Павлова продумай вот такую схему. Что нам нужно сделать, чтобы через Уайта повлиять на политику правительства США в отношении Японии? В Вашингтоне должны понять, что Япония на сегодня основной враг США. И последнее. О нашем сегодняшнем разговоре никто не должен знать.

- Понял, - ответил Юнг.

- Ну, вот и ладно. Иди. Передавай привет жене, пусть поменьше ругается на кухне.

- Передам, Павел Михайлович, - улыбнулся Юнг.

...Через две недели Павел Михайлович Фитин докладывал Берии план предстоящей операции. Название ей решили дать «Снег» по аналогии с фамилией «главного действующего лица» операции, Гарри Декстера Уайта (white – белый). Предполагалось, что он по «подсказке» советской разведки подготовит на имя президента Рузвельта аналитический доклад, в котором «красной нитью будет прослеживаться мысль об угрозе национальным интересам США со стороны императорской Японии. Для того чтобы этот доклад был более убедительным, советская разведка планировала передать Уайту часть своей разведывательной информации по Японии.

Вместе с этим необходимо было «позаботиться» и о самой Японии. Противостояние между японским генералитетом, стоящим за «северный вариант», и руководством военно-морского флота Японии, выступающим за «южный вариант», все никак не прекращалось. То чаша весов склонялась в сторону СССР и Монголии, то, наоборот, в сторону Индокитая, Индонезии, Малайи и Филиппин. Южному

* С 1933 года 1937 гг. велись советско-американские переговоры о подписании Тихоокеанского пакта, в который по предложению СССР помимо советской и американской стороны должны были войти Китай, Япония, Франция, Великобритания и Голландия.

направлению японской агрессии противостояли интересы Англии, Франции и США. Но после последних событий в Европе (падение Франции, германские бомбежки Лондона) европейские метрополии не могли оказать сколько-нибудь серьезное сопротивление японцам. Другое дело США. Американцы могли стать серьезным препятствием для японцев.

Поэтому параллельно с операцией «Снег» планировалось провести ряд мероприятий и в самой Японии. Эти мероприятия должны были повлиять на политику японского правительства в пользу «южного варианта»*.

- Кого отправим на встречу с этим Уайтом? - спросил Берия, послушав доклад Фитина.

- Лучше Ахмерова с этой задачей никто не справится, - ответил генерал.

В кабинете повисла тишина. После раздумий нарком заявил:

- Нет, в Америку поедет Павлов.

- Но Уайт может ему не поверить, - возразил Фитин.

- А ты для чего? Сделай так, чтобы поверил. А твой Ахмеров пусть подкажет, как это лучше сделать. Он же у нас самый умный, - ехидно заключил Берия.

После паузы он продолжил:

- Там, - Берия многозначительно поднял палец к потолку - придают этой операции очень большое значение. От успеха операции, может быть, зависит судьба страны, да и наша с тобой судьба тоже. Поэтому, Павел Михайлович, думай, думай и думай. Осечки не должно быть! И не забудь: никаких следов после завершения операции не должно остаться.

«Сурово, но откровенно, - подумал Фитин. - Там, глядишь, после операции случится какая-нибудь автокатастрофа, или еще что-нибудь. Следы контрразведка у нас умеет замечать...»

Хелен поехала, в комнате было прохладно. Она посмотрела на часы, было уже около 9 часов вечера.

«Опять Исхак задерживается, - подумала она. - Вот уже год, как они приехали в Москву. А сколько воды утекло!»

Хелен помнила, как они гостили в Казани. Все вроде бы было хорошо. Походы по гостям к друзьям и родственникам Исхака. Но Хелен чувствовала по поведению мужа, что что-то не так. Очень часто она замечала в глазах Юнга какую-то необычную грусть. «Странно, - думала она, - он вернулся на родину, должен радоваться, а тут такая грусть». Он на ее рассказы только отшучивался.

Ахмеров немного повеселел, когда в конце января 1940 года в Казань пришла телеграмма из Москвы. В ней говорилось: «Отпуск закончился тчк Жду на работе тчк Фитин».

А потом начались хлопоты уже здесь в столице. Хелен приходилось познавать новый для нее мир почти самостоятельно. Исхак пропадал на работе. А ей, не знающей русский язык,

приходилось налаживать отношения с соседями по коммуналке. Сказать, что соседки, а это были две пожилые женщины, встретили «эту неумеху и растяпу, эту задрипанную американку» недружелюбно – значит, ничего не сказать. Они, зная, что Хелен по-русски ничего не понимает, обсуждали ее прямо при ней самой. А Хелен чувствовала это своей женской интуицией. Мужу она ничего по этому поводу не говорила. У него и без этого проблем хватает.

Своеобразной отдушиной для Хелен стало знакомство с женщиной по имени Ольга, которая жила этажом выше. Познакомились они случайно на улице весной, когда Хелен сидела во дворе их многоквартирного дома на лавочке и читала книгу на английском языке.

Хелен, уткнувшись в книгу, почувствовала, что ее кто-то дергает за носок туфли. Она оторвалась от книги и невольно взвизгнула. Перед ней сидела собака странного вида. По всем приметам, в этой псине была намешана уйма кровей и пород. Пес дружелюбно пытался повлиять своим обрубленным хвостом.

- Бим! Фу, Бим, нельзя... - раздалось за спиной у Хелен.

Она оглянулась. На соседней лавочке сидела женщина 40-45 лет с вязальными спицами в руках и клубком шерсти на коленях. Женщина поднялась со своего места и направилась к Хелен.

- Вы не пугайтесь. Он глупый, но добрый, - сказала она. - Вы здесь живете?

- Я плёхо понимают руски, - пыталась что-то объяснить Хелен.

- О, да вы – иностранка...

Вот так они и познакомились. А потом Ольга помогала Хелен познавать секреты жизни в коммуналке и в Москве. Во многом благодаря Ольге Хелен стала неплохо понимать русскую разговорную речь.

Помогла она и в «урегулировании» кухонных конфликтов в квартире, где жили молодожены. Ольга попросту пришла к ним на кухню и сказала ошалевшим старушкам: «Вы пыл-то свой поубавьте. Ей и без вас трудно. Нет, чтобы помогать, а вы все кастрюли поделить не можете». Тетки попытались что-то возразить, на что последовал лаконичный Ольгин ответ: «Ее муж работает в ГПУ». Больше вопросов у сварливых соседок не возникло.

Ольга познакомила Хелен со своим соседом, стареньким евреем Георгием Израилевичем Годером. Старик, некогда работавший учителем истории, был очень хорошим рассказчиком. И хотя Хелен пока с трудом понимала устную речь, она завороченно слушала рассказы старого учителя о мифах Древней Греции. Годер понимал: иностранке трудно вникнуть в устную речь, гораздо легче ей было бы понять напечатанный текст, русскую азбуку она уже знала. Поэтому однажды он подарил ей красочно иллюстрированную «Одиссею» Гомера.

* Входивший в группу Рихарда Зорге японский журналист Ходзуми Одзакки был одновременно и членом "Общества завтраков" (своего рода кухонного кабинета министров, который давал советы премьеру Коноэ по различным вопросам внутренней и внешней политики). "Общество завтраков" при сильнейшей поддержке Одзакки рекомендовало Коноэ нанести удар на юге против американцев и англичан и реализовала хорошо проработанные планы захвата голландских колоний и Сингапура. 2 июля 1941 года правительство согласилось с этими предложениями, и его решение было одобрено императором.

Эта книга стала для Хелен настольной. Исхак, однажды заставший жену за чтением этой книги, немало удивился, но вместе с тем и обрадовался. Значит, русский язык Хелен уже знает неплохо. А преодоление акцента – дело времени.

Вот и сегодня она читала «Одиссею». Перед тем, как начать читать новую главу, Хелен рассматривала яркие рисунки. Вот на этом два каких-то страшилища пытаются проглотить Одиссея и его друзей. Хелен прочитала:

«...Внутренность вся открывалась ее: перед зевом ужасно Волны сшибались, а в недре утробы открытой кипели Тина и черный песок. Мы, объятые ужасом бледным, В трепете очи свои на грозящую гибель впереди. Той порой с корабля шестерых отличившихся бодрой Силой товарищей, разом схватя их, похитила Сцилла. Там перед входом пещеры она сожрала их, кричащих Громко и руки ко мне простирающих в лютом терзанье. Страшное тут я очами узрел, и страшней ничего мне Зреть никогда в продолжение странствий моих не случалось...»

«Бр-р-р, какой ужас!» - подумала Хелен. Она хотела продолжить чтение, но вдруг услышала, что снаружи кто-то пытается открыть дверь их комнаты. Но, видимо, что-то там не ладилось. Хелен подошла к двери и распахнула ее.

На пороге стоял Исхак. В одной руке у него была мохнатая елка, а в другой - связка картонных коробок.

Он улыбался.

- С наступающим, Леночка!

«Какой он красивый в этой своей военной форме!» - восхитилась Хелен.

В канун нового 1941 года никто в нашей стране не мог знать, что это последний мирный новогодний вечер.

Не знала наша страна и о том, что 27 сентября 1940 года между Токио, Берлином и Римом был заключен секретный договор, распределявший роли агрессоров при новом разделе мира.

«Правительства Германии, Италии и Японии, - говорилось в меморандуме, - рассматривают получение каждой нацией мира надлежащего жизненного пространства в качестве основной предпосылки прочного согласия. Поэтому они решили... действовать совместно в своих устремлениях к великоазиатскому пространству и европейским территориям, причем их важнейшей целью является установление и поддержание соответствующего нового порядка и содействие благополучию и процветанию живущих там народов. Дальнейшим желанием трех правительств является распространение этих совместных действий на те нации..., которые способны приложить усилия в том же направлении, чтобы таким образом могли осуществиться их устремления к конечной цели — всемирному согласию. В соответствии с этим правительства Германии, Италии и Японии договорились о следующем:

Статья 1.

Япония признает и уважает руководящую роль Германии и Италии при установлении нового порядка в Европе.

Статья 2.

Германия и Италия признают и уважают руководящую роль Японии при установлении нового порядка на великоазиатском пространстве.

Статья 3.

Германия, Италия и Япония договорились действовать совместно на вышеуказанных основаниях. Кроме того, они принимают на себя взаимные обязательства поддерживать друг друга всеми политическими, экономическими и военными средствами в том случае, если одна из трех заключающих настоящий договор сторон подвергнется нападению какого-либо государства, не участвующего в настоящее время в европейской войне или в китайско-японском конфликте».

Никто не знал, что за словами «...содействие благополучию и процветанию живущих там народов» совсем скоро будут стоять концентрационные лагеря, гетто и миллионы погибших мирных граждан и в Европе, и в Азии.

А пока страна радовалась, с надеждой на лучшее встречая новый год...

- Ну что, готовы? - спросил нарком у вошедшего Фитина.
- Готовы, Лаврентий Павлович.
- Ну, давай почитаем.

Фитин положил на стол Берии проект письма, адресованного Юнгом Гарри Декстеру Уайту. Этот проект был составлен на русском языке специально для Берии, который не знал никаких других языков кроме грузинского и русского.

Нарком начал читать:

«Здравствуй, Гарри! Извини, что долго не писал. Посылать письмо по официальной почте, которую контролирует японская разведка, не имело смысла. А сейчас представилась возможность передать тебе письмо через этого русского. Он работает дипломатическим курьером, поэтому проблем с доставкой письма в Вашингтон, я думаю, не будет.

Здесь, в Китае, идет полномасштабная война, на оккупированных территориях все пронизано духом махрового шовинизма и японского национализма. Японцы даже запретили ислам, как религию, которая отвергает прославление кого бы то ни было, кроме Аллаха. Японцам нужно, чтобы прославляли только японского императора и его захватническую политику.

В японских военных и политических кругах уже неприкрыто заявляется о том, что конкуренция Америки в тихоокеанском бассейне и на азиатском континенте становится все чувствительнее для Японии. Военщина и стоящие за ней финансово-промышленные группы не видят другого выхода, кроме насильственного устранения американской конкуренции.

Япония в ближайшее время планирует выставить нашей стране ультиматум, по которому США не вмешиваются в войну в Китае, прекращают всякую помощь Чан-Кайши, отказываются от создания военных баз в Голландской Ост-Индии, Китае или дальневосточных районах Советской России.

Мало того, они хотят предложить нам содействовать охране японских морских коммуникаций и не чинить Японии препятствий в закупке сырья в тех районах Тихого океана, которые

находятся под английским или американским протекторатом.

Ты помнишь? «Ом мани пада хум!»...»

Берия, прочитав последнюю фразу, спросил:

- А это что за абракадабра?

- Это фрагмент главной буддийской молитвы, – ответил

Фитин. - Когда-то Ахмеров и Уайт сошлись на увлечении историей Древнего Востока...

- Да? - недоверчиво пробурчал нарком. – Может, так Ахмеров подает сигнал, что работает у нас «под колпаком»?

- Не думаю, Лаврентий Павлович. Если бы Ахмеров хотел как-то просигнализировать Уайту, он бы нашел как это сделать на английском языке.

А про себя Фитин подумал: «Как же он плохо знает нашу работу!»

- Ну-ну, - протянул Берия и продолжил чтение.

«...нельзя сидеть, сложа руки, нужно что-то делать. Япония – не та страна, которая упустит свой исторический шанс. Нужно, в конце концов, преодолеть сопротивление наших тугодумов в Конгрессе, которые ратуют за продолжение политики нейтралитета. Пока они думают о мире, война придет к нам домой сама. Японская пословица гласит: «Если выберешь сразу две дороги – в путь не отправляйся». А мы все топчемся. И мира хотим. И хотим расширить свои тихоокеанские рынки. В современном мире это сделать невозможно.

Надеюсь, Гарри, что ты меня правильно понял. Мы, патриоты Америки, должны сделать все, чтобы обуздать агрессора, пока еще это сделать не поздно.

Жму руку и надеюсь на скорую встречу. Билл».

Берия отложил письмо в сторону и задумался. Потом он открыл ящик своего стола и достал лист бумаги с машинописным текстом.

- Вот это должно быть вставлено в письмо.

Фитин прочитал:

«1. США не могут мириться с японской экспансией в Тихоокеанском регионе, затрагивающей их жизненные интересы.

2. Располагая необходимой военной и экономической мощью, Вашингтон способен воспрепятствовать японской агрессии, однако он предпочитает договориться о взаимовыгодных решениях при условии, что Япония:

а) прекращает агрессию в Китае и прилегающих к нему районах; б) отзывает все свои вооруженные силы с материка и приостанавливает экспансионистские планы в этом регионе; в) выводит свои войска из Маньчжурии; г) выходит из состава оси Берлин-Рим-Токио».

- Эти тезисы согласованы, - сказал Берия, указав пальцем на потолок. - Окончательный вариант письма должен быть готов завтра. Пора действовать...

...В середине мая 1941 года Виталий Павлов прибыл в Вашингтон. В США он въехал под видом советского дипкурьера. Это было сделано по двум причинам. Во-первых, он не настолько хорошо знал разговорный английский язык, чтобы прибыть в Америку нелегально под видом американца или англичанина. А во-вторых, и это самое главное, письмо Юнга должно было попасть в страну, не будучи проверенным спецслужбами США.

А этого можно было добиться, спрятав письмо в дипломатической почте. Ну, и не последнюю роль играло и то обстоятельство, что в случае провала у Павлова был бы дипломатический иммунитет.

Он впервые был в США, впервые ему предстояло выполнять задание самостоятельно. Поэтому Клим нервничал. С кем бы то ни было из сотрудников советского посольства обсуждать вопросы предстоящей операции Павлову было запрещено. Тайну операции «Снег» в Москве знали только пять человек - Сталин, Берия, Фитин, Ахмеров и он, Виталий Павлов.

Клим сдал дипломатическую почту в советское полпредство и вышел в город. Он хорошо помнил все ориентиры, которые ему дал Юнг, поэтому без проблем добрался до текстильного музея. Бродя по залам этого музея, Павлов пытался определить, есть ли за ним слежка. Но все было спокойно. Немногочисленные посетители заходили и выходили. В окно Павлову было видно, что у входа в музей тоже никто не крутится. Люди шли по своим делам.

Он вышел из помещения и перешел на противоположную сторону улицы S. Свернув налево, Клим тут же увидел телефонную будку, о которой говорил Юнг. Еще раз осмотревшись, Павлов направился к телефонному аппарату. Он набрал номер, который выучил назубок, на другом конце провода после двух гудков раздалось:

- Уайт слушает.

- Добрый день, мистер Уайт, - с трудом подавляя свое волнение, произнес Клим. – Мое имя Виталий Павлов, я из Советского Союза. У меня для вас письмо от вашего друга Билла...

На том конце повисло молчание. Потом опять раздался голос Уайта:

- А он что, в России?

- Да нет, что вы! Билл в Китае. Мы с ним там встречались три недели назад, и он попросил передать вам письмо...

Опять наступила тишина. Уайт, по-видимому, думал. Потом он сказал:

- Хорошо, где и когда мы можем встретиться?

- Я послезавтра еду домой. Поэтому, мистер Уайт, сегодня в 5 часов после полудня в ресторане отеля «Хилтон» вас устроит?

- Вполне. Мистер Павлов, - Уайт замаялся. - Поймите меня правильно, я вас не знаю, вы меня тоже не знаете. Давайте обсудим, как мы друг друга узнаем.

- У вас есть предложения? - спросил Павлов.

- Да, есть. Положите на свой столик журнал "Нью-Йоркер", лицевой стороной вверх. По этой примете я вас узнаю.

- Понял. А если вдруг у кого-нибудь еще будет такой же журнал?

- Сомневаюсь. Но на всякий случай, какого цвета ваши волосы?

- Я блондин.

- Хорошо, я думаю, мы не потеряемся. До встречи, мистер Павлов.

Закончив разговор, Павлов вышел на улицу и с облегчением вздохнул. Первую часть операции он выполнил. Но впереди было самое главное и самое трудное – встреча с Уайтом.

В назначенное время в дверях ресторана появился Гарри

Уайт. Павлов сразу его узнал по описанию Ахмерова. Уайт окинул зал взглядом и направился к столику Павлова.

- Мистер Павлов? - спросил он.

- Да это я, - ответил Павлов.

Уайт протянул Павлову руку и сказал:

- Я – Гарри Уайт. Мы договаривались о встрече.

Он сел за стол и махнул рукой, приглашая к себе официанта.

- Принесите мне капучино, - сказал Уайт, а потом повернулся к Павлову: - Как поживает Билл?

Павлов видел, что Уайт напряжен и смотрит на него с недоверием. Чтобы как-то разрядить обстановку, Клим сказал:

- А как можно поживать в стране, которая воюет? Ситуация там крайне неспокойная!

- А вас-то в Китай как занесло, мистер Павлов?

- Я дипломатический курьер Советского Союза.

- А-а, понятно, - задумчиво произнес Уайт. Уайт еще больше занервничал, что не укрылось от взгляда Павлова. Здесь в США мнение по поводу подписания СССР договора с Германией было крайне негативным. Уайту вспомнились слова Рузвельта, произнесенные во время одной из встреч с наиболее приближенными советниками, к которым относился и он, Гарри Уайт. Президент, выслушав мнение Моргентау, задумчиво произнес: «Нам трудно судить о том, что двигало советским вождем. Возможно, у него не было другого выхода, ведь и мы невольно толкали его к этому». Но, когда в Белом доме узнали о секретной директиве Сталина, отправленной по линии Коминтерна всем коммунистическим партиям, где он призывал коммунистов всего мира прекратить сопротивление против фашизма, а переключиться на борьбу с мировым империализмом, Рузвельт, недолюбливающий коммунистов, сказал: «Это уж слишком. Так предать своих единомышленников!» Вот об этом думал Уайт, разглядывая этого русского парня. «Может быть, это какая-нибудь провокация русских?» - думал он.

А Павлов, меж тем, достал из своего кармана и положил на стол потрепанный конверт, сверху которого он приложил... обрывок американской рождественской открытки. Уайт сразу узнал этот кусок картона. Когда-то, сидя в библиотеке Конгресса, они с Биллом заспорили о значении слова «символ». Тогда Уайт узнал из рассказа своего приятеля, что в Древней Греции хозяин, провожая гостя из своего дома, разламывал глиняную пластинку на две части. Одну часть оставлял себе, а другую отдавал гостю. И когда бы гость ни появлялся вновь на пороге этого дома, хозяин мог узнать его именно по этому обломку глиняной пластины. И называлась эта пластина «символ». То есть первоначально это слово подразумевало под собой смысл «удостоверение личности».

Павлов заметил, как изменилось выражение лица Уайта. Взгляд его потеплел и стал более доброжелательным.

- Билл сказал, что вы поймете смысл этого обрывка, - стараясь выглядеть более равнодушным, сказал Клим.

- Да-да, я понял, - сказал американец и, взяв письмо, приступил к чтению.

«Какой же Ахмеров молодец! Хорошо он придумал с этой открыткой. Вон как Уайт сразу изменился, - думал Павлов, наблюдая за выражением лица своего собеседника.

А Уайт, забыв об остывшем уже капучино, с интересом читал письмо Билла. Его живое симпатичное лицо выражало всю полноту чувств, которые он в это время испытывал.

Закончив чтение и помолчав с минуту, Уайт сказал:

- Мистер Павлов, я признателен вам за то, что вы передали письмо от моего друга.

- Сэр, я уже говорил, что я возвращаюсь в Москву, а потом мне предстоит опять ехать в Китай. Билл очень хотел бы знать ваше мнение. Он очень беспокоится о том, видит ли руководство США японскую угрозу и намерено ли что-то предпринять для обуздания азиатского агрессора?

- Да-да, конечно, - согласился Уайт. - Сейчас я напишу несколько строк для Билла.

Он опять пригласил официанта и попросил его принести конверт, бумагу и чернила, а также заменить ему остывший капучино.

Закончив писать, Уайт запечатал письмо и передал его Павлову.

Уже позже, в Москве в кабинете Фитина, Ахмеров прочитает: «Дорогой Билл! Весьма тронут твоим письмом. Все, о чем ты пишешь, очень близко и понятно мне. Я, используя свои связи в Белом доме, попытаюсь довести до сведения президента всю серьезность ситуации. Мы должны опередить Японию. Ты прав, в этой игре можно опоздать. Надеюсь, что скоро тебя увижу. Береги себя. «Ом мани пада хум!» Гарри». Фитин удовлетворенно скажет: «Ну, вот и слава богу» и, взяв письмо Уайта, тут же его сожжет. Но это будет потом.

А пока Уайт сказал:

- Я полагаю, что мне удастся кое-что предпринять в этом направлении. Скажите, мистер Павлов, вы, русский, почему озабочены этой проблемой?

Павлов внутренне напрягся. К такому вопросу он готов не был. Помолчав с полминуты, он сказал:

- В Советском Союзе тоже есть люди, которых беспокоит расширение японской агрессии. И почему бы честным людям, какой бы национальности они ни были, не помогать друг другу?

Ответ Уайту понравился, он радушно заметил:

- Приятно, что честные люди есть во многих странах мира...

В тот же день Павлов направил в Москву телеграмму, в которой говорилось: «Григорий выздоровел зпт собирается приехать на каникулы в Москву тчк Клим», что означало: «Встреча прошла успешно, Уайт готов действовать»*.

* Г. Уайт выполнил свое обещание. 6 июня и 17 ноября 1941 года им были составлены два документа, главное содержание которых вошло в меморандум министра финансов Моргентау для государственного секретаря Хэлла и президента Рузвельта от 18 ноября. В этот документ вошли в т.ч. и требования к Японии, описанные в письме Ахмерова. На основании данного меморандума 26 ноября 1941 года японскому послу в США адмиралу Номуре был вручен ультиматум (в историю дипломатии он вошел под названием «ультиматум Хэлла»), который и стал последним шагом на пути к войне.

А потом наступило 22 июня 1941 года. И был шок первых дней самой кровопролитной войны в истории нашей страны. 28 июня в Кремль пришло сообщение, что фашисты захватили Минск.

Сталин, не в силах скрыть свою растерянность, приказал никого к себе не пускать, и никого с ним не соединять. Ему нужно было все обдумать. Он вызвал машину и уехал на ближнюю дачу в Кунцево.

«Что же произошло? - думал он. - Где я ошибся? Поверил этим авантюристам. А что тогда оставалось делать? Как мало времени прошло! Я-то рассчитывал года на три передышки. Неужели Гитлер решил воевать на два фронта? Или Черчилль уже с ними договорился? А наши-то, Молотов с Ворошиловым, все бормотали о том, что у нас все хорошо. Вот тебе и хорошо, Минск сдали!..»

«...А я-то где был?» - вдруг подумал Сталин. Ему вспомнилось, что за неделю до нападения Германии ему доставили сообщение разведуправления, в котором говорилось: «Источник, работающий в штабе германской авиации, сообщает, что все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью готовы, удар можно ожидать в любое время...» А Сталин, прочитав это сообщение, поставил на нем резолюцию: «Тов. Берия. Может, послать ваш «источник» к е...й матери. Это не источник, а дезинформатор».

«Дурак старый, - ругал сегодня себя генсек, - проворонил войну! Все боялся Гитлера разозлить. Теперь ясно, никому, никаким договорам верить нельзя. Заключили мы договор с Японией*. И что, верить им? Самураи они и есть самураи. Тоже нападут, когда Гитлер загонит нас в угол. Ладно, если ударят они по Владивостоку и Хабаровску, будем бодаться. А если...? - Сталин даже осекся от своих мыслей - А если они ударят через Сибирь в направлении Ижевска, Свердловска и Челябинска?! Все, тогда конец! Армия, отсеченная от тылов, долго не продержится».

Сталин почти наяву ощутил, что будет, если японцы перекроют Транссиб. «Может быть, нам первыми ударить по японцам? Нет, глупо. Самим начать войну на два фронта? Это прямая дорога к катастрофе. Берия уверяет, что та операция по вовлечению Америки в войну прошла удачно. Но что-то пока не видно результатов. Или я тороплюсь?»

Сталин начал нервно ходить по кабинету.

«Сейчас при всех наших неудачах на Западе нельзя забывать и о ситуации на Востоке. Японцы могут ударить в любой момент. Или они пока чего-то ждут? А ждут они, когда немцы возьмут Москву. Ну нет, уж этого никак нельзя допустить!...»

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Увы, история не знает сослагательного наклонения. Мы не знаем, как повернулась бы история нашего государства, если бы в 1941 году ей пришлось одновременно отражать агрессию на Западе и на Востоке. Но, наверное, можно без преувеличения сказать, что тогда, в ноябре-декабре 41-го, СССР был буквально на волоске от катастрофы.

Многое из той, уже далекой истории многократно описано в различных произведениях отечественной и зарубежной литературы. Но как-то незамеченным осталось одно почти мистическое обстоятельство. 6 декабря 1941 года началось историческое контрнаступление советских войск под Москвой, а 7 декабря Япония нанесла массированный удар по Перл-Харбору. Как будто Япония была союзником не Германии, а СССР.

А ведь могло быть совсем по-другому.

Сегодня уже есть немало исследований по вопросу причин и последствий трагедии Перл-Харбора. Совершив это вероломное нападение, Япония получила стратегическое господство в Тихом океане и Юго-Восточной Азии, но и «нажила» себе смертельного врага в лице Соединенных Штатов Америки.

Следует сказать еще об одном моменте.

Еще в 1939 году в японском военно-морском флоте была введена новая система шифров, известная под названием «JW-25». Этот шифр оказался относительно легким для дешифрования. Поэтому уже вскоре многие японские шифровки могли читать английские, американские и советские дешифровщики. 20 ноября 1941 года штаб военно-морского флота Великобритании уже располагал точными данными, что японцы готовят удар по базе американского флота на Гавайях. Но ничего об этом не сообщил своим союзникам.

Кроме этого, и сами американцы «читали» японские шифrogramмы, из которых можно было сделать вывод о готовящемся ударе, но ничего не было сделано ни в сентябре, когда была расшифрована первая шифровка японцев, ни 7 декабря, когда японские самолеты поднимались с бортов авианосцев и брали курс на Перл-Харбор. Случайно или нет, но незадолго до нападения из Перл-Харбора были выведены крупнейшие американские авианосцы «Энтерпрайз», «Лексингтон» и «Саратога».

Поэтому, наверное, справедливым было бы заметить, что кроме советской стороны были и другие силы, которые были заинтересованы в вовлечении США в войну. Такие силы были и в самих Соединенных Штатах.

Возвращаясь к советской разведке, следует признать, что в то время высшее политическое руководство страны иногда пренебрегало ценнейшей разведывательной информацией, полученной разведчиками в различных странах. Многие из них были незаслуженно подвергнуты репрессиям и погибли не в стране, где они вели разведку, а у себя на родине.

К сожалению, простым обывателям больше известны имена советских разведчиков, которые в свое время были раскрыты спецслужбами других стран. Так было с Абелем, Зорге, Молодым... А вот о тех, кто не был разоблачен, кто полностью выполнил задание, кто рисковал жизнью и за границей, и у себя на родине, мы знаем мало.

Но, может быть, это закономерность. В том и состоит специфика этой работы, где люди живут по принципу: «Без права на славу, во славу державы».

Это не пафосные слова, а констатация факта.

* Пакт о нейтралитете между СССР и Японией был заключен в Москве 13 апреля 1939 года.

проза

Алексей АГАФОНОВ

БАБОЧКА

рассказ

Ее не заметили и не сорвали! Не разломали из любопытства и не растоптали как нечто вредоносное! Необычайно большая куколка бабочки коричнево-красноватого цвета была прикреплена белесоватой пленкой на невысокую ветку. Эта находка вызвала у меня радость неожиданной удачи, радость обретения сокровища! На твердом панцире куколки был прорисован контур ее содержимого. Было ясно, что там сформировалось загадочное существо, которое превратится вскоре в бабочку! Однако это не разрушало тайны и загадочности. Скорее взять и поддержать эту чудесную находку в руках! Я ощутил твердость и упругость ее, но понял, что, если оторву куколку от ветки, она погибнет! Очень осторожно, стараясь не встряхивать, я отломил ветку и понес ее домой.

Комната, где мы жили с бабушкой и сестрой, называлась «детской». Там всегда горела низко подвешенная лампадка, служившая ночником. Иконы, я это знал, лежали в сундуке, укрытые старой одеждой. Их серебряные оклады давно продали.

- Бабушка, почему иконы лежат в сундуке?

- Где лежать иконам - не главное, главное - чтобы Бог был здесь, - и она приложила ладонь к моей голове. Затем приложила палец к губам, этот жест был мне понятен.

Бабушка постоянно курила, прикуривая от лампадки самодельные папиросы. Курила и ночью, аккуратно выпуская дым в вентиляционную решетку, чтобы не окуривать нас - детей. Ее маленькая сгорбленная фигурка отбрасывала огромную тень на стену и потолок.

В «детской» у меня имелся заветный угол под столом, куда я намеревался поставить ветку с куколкой. Однако, опасаясь нашей собачонки, я все же прикрепил ветку к трубе отопления и стал ждать, когда из куколки появится бабочка. Мне очень хотелось это увидеть. Шли дни, а бабочка не появлялась. Интерес к куколке сменился безразличием и раздражением на ее «упрямство»...

Раннее утро, сумерки, бабушка и сестра спят. А я проснулся, как мне показалось, от громкого треска. И взглянул на ветку! Куклолка треснула продольно по спинке, а из трещины тихонько



выбивались аккуратно сложенные крылья. Они выростили над куколкой высоким гребнем, приобретая гладкость, - появилась глазастая головка и тоненькие ножки у самой головки, упирающиеся в края трещины. Наконец, большая бабочка выбралась из своего панциря, развела крылья, потом свела их вместе и надолго осталась неподвижной.

Лишь к пробуждению бабушки и сестры бабочка раскрыла коричневые крылья с белым узором по краям.

- Траурница, - сказала бабушка грассируя. (Бабушка была немкой.)

Бабочка-траурница бесшумно взлетела под потолок, слегка взмахивая крыльями.

- Откройте окно - дайте ей улететь, - распорядилась бабушка.
- Пусть лучше поживет в комнате, мы ее будем кормить!
- Нет, откройте окно!

Распахнув створки, мы отправились завтракать. Но спустя какое-то время я тихонько вернулся и закрыл окно. Пусть поживет с нами! Посажу ее в банку! Поймать бабочку было нелегко. Мне это удалось, лишь построив пирамиду из стульев. Наконец бабочка была посажена в перевернутую банку. С ужасом я заметил, что часть крыла, лишившись пыльцы, стала прозрачной, и край его надломлен.

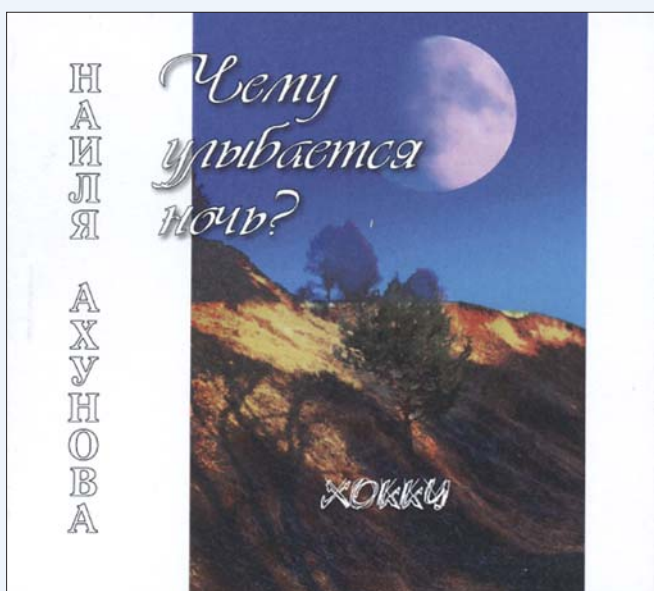
Вернулась бабушка и, посмотрев на банку, покачала головой: «Зачем ты так?» Мне было жаль бабочку и стыдно! Стыдно своего неосторожного упрямства. Но я надеялся на волшебство, на неожиданное и полное восстановление крыла. Под банку, приподняв ее края, подсунил игрушечную тарелочку с водой и сахаром. К моим действиям траурница была совершенно безразлична.

Наступил вечер. Я тешил себя надеждой, что ночь чудесным образом восстановит повреждения, и наутро я увижу бабочку целой и невредимой. Все пройдет!

...Утро. Еще темно, и содержимое банки видно плохо. Крылья бабочки не просматриваются. Неужели улетела?! Подхожу к столу. Траурница лежит на боку, и ее большие крылья плотно сложены. Беленькие лапки неподвижны. Кладу на ладонь плоское, невесомое создание и подхожу к открытому окну... Бабочка падает медленно. На вопрос сестры: «Где бабочка?», отвечаю: «Улетела!»



«ДОЖДУТСЯ ЛИ МЕНЯ МОИ СЛОНЫ?»



«Чему улыбается ночь?» Ответ на этот и другие вопросы даёт известная казанская поэтесса Наиля Ахунова в своей новой одноимённой книге стихов (изд-во «Плутон», 2007), презентация которой состоялась недавно в Культурном центре «Менора» и в клубе «Маяковский. Жёлтая кофта». Необычность этого сборника лирики в том, что он состоит из трёхстиший в редком у нас, но популярном во всём мире жанре «хокку». Поэтесса увлекается японской поэзией давно, в 1998 году она стала лауреатом Международного конкурса хокку.

Искусство писать хокку - умение сказать многое в немногих словах, разбудить мысль читателя; предельная миниатюрность формы. Здесь эмоции выражаются через

лаконичный образ, мир внутренний - через детали мира внешнего. Наиля Ахунова следует веками сложившимся канонам стихосложения «хокку», её вдохновляет творчество великих японских поэтов Басё, Исса, Тиё... Хотя для современных последователей знаменитых хайдзинов формула «пять - семь - пять» давно уже не является обязательной. На страничке поэтессы в Интернете больше всего рецензий, что её удивляет и радует, именно на хокку (в рубрике «твёрдые формы Востока»).

Стихи в книге «Чему улыбается ночь?» вошли в четыре раздела по временам года, они просты и сложны одновременно; прежде всего - это поэзия чувств, тонкого ощущения красоты и сложности окружающего мира.

* * *

Она волшебнo чувствует форму - оттого-то и её хокку необычайно хороши. В них - ничего лишнего, они - само изящество.

Альбина Абсалямова

В хокку, как в саду Рёандзи, всегда есть скрытое, причём зависящее от определённости нашего взгляда, и чтение таких стихов - странное для нашего ума усилие избавиться от определенности, чтобы увидеть невидимое.

Леонид Хотинoк

* * *

Ушёл Первомай,
Пришёл Хэллоуин.
А хочется Рождества...

* * *

Город заснул.
Гуляем вдвоем –
Ветер и я.

* * *

Дождливый ноябрь.
Сад насквозь проржавел.
Даже ворона скрипит.

* * *

Кружась, жёлтый лист
Приземлился на шляпу...
Вместе продолжим путь.

* * *

Раньше любила кеды
И кепки. А теперь –
Шпильки и шляпки.

* * *

Одуванчики
В скафандрах серебристых:
Скоро в космос.

* * *

Хмурый день.
Но мне улыбнулся подсолнух
С балкона высотки.

* * *

Птице, улетевшей
В жаркие края,
Поётся ли в пору хамсина?

* * *

Чёрный кофе
С долькой лимонной
Луны. Как ночь длинна!

* * *

Защелкнул процессор,
Засветилось окно монитора.
Здравствуй, новый день!

* * *

Так хочется ему
Взлететь! Но он всего лишь
Вентилятор...

* * *

Перевели стрелки
На летнее время,
А утром выпал снег...

* * *

Полумесяц
Смайликом на небе.
Чему улыбается ночь?

* * *

По лунной дорожке
Куда мы с тобой забредём
Этой ночью?

* * *

Вдыхаю запах
Сандала. Дождутся ли
Меня мои слоны?

* * *

Мы только гости
В мире этом.
А в других?

* * *

И крылья,
И вериги...
Стихи - моя религия.

* * *

Шаг за шагом
Всё ближе вершина.
Сумею ли вернуться?

